

Научная статья / Research Article

УДК 903.02(571.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-09)

EDN: JOMBSI

САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ КУЛУНДЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

Александр Сергеевич Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Барнаул, Россия*

fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Резюме. В работе представлено обобщение результатов комплексного изучения саргаринско-алексеевской керамики поселений Кулундинской степи: Рублево-VI, Бурла-3, Жарково-3, Капиновка-II. Установлено, что основу керамической серии составляют горшки. Орнамент преимущественно расположен на плечиках, реже на шейке. Зафиксировано использование семи способов декорирования и 73 видов орнаментальных мотивов. Композиционные схемы чаще состоят только из одного мотива, одного мотива, повторенного три и более раз либо двух различных мотивов. Сравнительный анализ форм и орнаментации коллекций отдельных памятников региона позволил выявить общие и индивидуальные черты комплексов. К первым относятся формы сосудов, их близкие процентные соотношения, наличие общих мотивов, относительная простота орнаментальных композиций. Ко вторым — особенности размещения орнамента по зонам сосудов и используемые приемы орнаментации. Обобщение результатов технико-технологического исследования керамики показало сходство в степени ожелезненности используемого сырья и присутствие рецептов, включающих и дресву, и шамот. Различия между памятниками Кулунды связаны со степенью пластичности сырья и соотношением используемых рецептов формовочных масс. В результате сопоставления полученных данных с саргаринско-алексеевскими материалами поселений Центрального Казахстана установлено их сходство с керамикой исследуемого региона по внешним признакам (форма и орнамент). Однако данные технико-технологического анализа показывают различия между регионами. Выявленные особенности свидетельствуют о специфике процесса взаимодействия населения регионов и миграциях.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, юг Западной Сибири, Кулундинская степь, саргаринско-алексеевская культура, поселения, керамика

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ.

Для цитирования: Федорук А.С. Саргаринско-алексеевская керамика поселений Кулунды (предварительные итоги изучения) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 159–175. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-09)

SARGARINSKO-ALEKSEEVSKAYA CERAMICS OF THE KULUNDA SETTLEMENTS (PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY)

Alexander S. Fedoruk

*Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Barnaul, Russia;
fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>*

Abstract. The paper presents a generalization of the results of a comprehensive study of Sargarinsko-Alekseevskaya ceramics from the settlements of the Kulunda steppe: Rublevo-VI, Burla-3, Zharkovo-3, Kalinovka-II. It has been established that the basis of the ceramic series is pots. The ornament is mainly located on the shoulders, less often on the neck of a pots. Seven methods of decoration and 73 types of ornamental motifs has been recorded. Compositional patterns often consist of only one motif, one motif repeated three or more times, or two different motifs. A comparative analysis of the forms and ornamentation of the collections of individual monuments in the region made it possible to identify common and individual features of the complexes. The firsts include the shapes of vessels, their similar percentages, common motifs, and the relative simplicity of ornamental compositions. The second includes the peculiarities of placing the ornament in the zones of the vessels and the ornamentation techniques. A generalization of the results of a technical and technological study of ceramics showed a similarity in the ferruginous degree of the raw materials used and the presence of recipes that included both gruss and fireclay. The differences between the Kulunda sites are associated with the degree of plasticity of the raw materials and the ratio of the molding mass recipes. As a result of comparison of the obtained data with the Sargarinsko-Alekseevsky materials from the settlements of Central Kazakhstan, their similarity with the ceramics of the studied region in terms of external features (shape and ornament) was established. However, technical and technological analysis data show differences between regions. The identified features indicate the specificity of the process of interaction between regional populations and migrations.

Keywords: Late Bronze Age, south of Western Siberia, Kulunda steppe, Sargarinsko-Alekseevskaya culture, settlements, ceramics

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary study of ancient and medieval societies of Altai” (No. FZMW-2023-0009) of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Fedoruk A.S. Sargarinsko-Alekseevskaya Ceramics of the Kulunda Settlements (Preliminary Results of the Study). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):159–175. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-09)

Введение

Кулундинская степь с древности была коридором, связующим степи Казахстана и Приобье, предгорья Алтая и лесостепи Западной Сибири. Однако ее планомерное научное археологическое изучение началось лишь в 70-х гг. XX в. В результате к настоящему моменту на территории алтайской части Кулунды выявлено более 50 памятников эпохи поздней бронзы. Основная их часть — поселения, погребальных комплексов известно крайне мало. Материалы памятников представлены преимущественно фрагментами керамики. Большая часть поселенческой посуды традиционно рассма-

тривается исследователями в контексте саргаринско-алексеевских древностей, что позволяет включать Кулунду в ареал распространения этой культуры. Однако основная часть памятников известна лишь по результатам разведочных работ, раскопками исследованы только единицы объектов. При этом материалы ряда поселений указывают на их многокомпонентный, а в некоторых случаях и разновременный характер. Полноценного изучения коллекций этих памятников не производилось, что существенно затрудняет их интерпретацию. В сложившейся ситуации особое значение имеют крупные и наиболее полноценно исследованные поселенческие комплексы, такие как Калиновка-II, Рублево-VI, Жарково-1, Жарково-3, Бурла-3, Новоильинка, Суслово-1, Гусиная Ляга-1 (рис. 1). Именно их материалы позволили выполнить предварительную реконструкцию историко-культурного развития региона в конце эпохи бронзы (Удодов, 1994; Ситников, 2002; Федорук, 2006). Однако благодаря проведенному в последнее десятилетие целенаправленному изучению, включающему технико-технологический анализ керамических коллекций памятников эпохи поздней бронзы Кулунды (Папин и др., 2015, 2016, 2021; Федорук, Иванов, Степанова, 2023), удалось получить качественно новые данные, позволяющие представить более детальную характеристику саргаринско-алексеевской посуды региона, а также скорректировать модель этнокультурного взаимодействия в регионе.

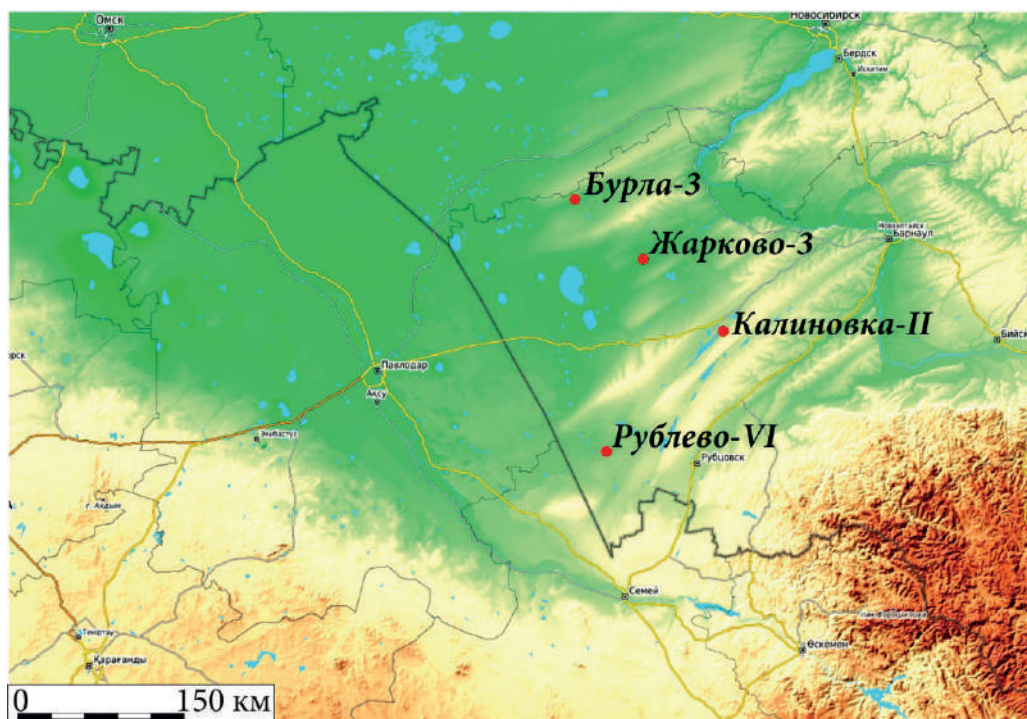

Рис. 1. Карта-схема распространения саргаринско-алексеевских поселений в Кулундинской степи

Fig. 1. Map-scheme of the distribution of Sargarinsko-Alekseevkie settlements in the Kulundinskaya steppe

В настоящей работе представлены предварительные результаты комплексного изучения саргаринско-алексеевской посуды, происходящей с четырех крупных поселений Кулунды: Рублево-VI, Калиновка-II, Жарково-3 и Бурла-3.

Используемые материалы

Наиболее представительная серия саргаринско-алексеевской керамики в регионе обнаружена на поселении Рублево-VI. Памятник находится в южной Кулунде, его коллекция содержит также андроновскую, донгальскую и ирмено-донгальскую посуду. Саргаринско-алексеевская серия преобладает — 306 фрагментов (не менее чем от 154 сосудов) и семь развалов сосудов (Папин и др., 2015, с. 117, 119–125, рис. 1–6), что составляет 6,7% от всей обнаруженной на памятнике керамики (рис. 2).

Следующая по численности группа саргаринско-алексеевской посуды отмечена на поселении Бурла-3 (северная Кулунда). Ее сформировавшаяся за все годы раскопок на памятнике (1987, 1988, 2013–2015, 2018) серия представлена 173 фрагментами от не менее чем 92 сосудов (рис. 3.-1–7), что составляет 2% всей керамики поселения (Папин и др., 2021, с. 178, 187, 188, рис. 2.-1–9). Преобладает же в коллекции круговая керамика, кроме того, имеется бегазы-дандыбаевская, дандыбаевская, донгальская и андроновская посуда.

Представительная серия саргаринско-алексеевской посуды происходит с поселения Калиновка-II, находящегося в восточной части Кулунды. Керамическая коллекция здесь представлена также андроновской, черкаскульской, донгальской посудой и керамикой переходного типа от развитого бронзового века к позднему. Насчитывается 142 фрагмента саргаринско-алексеевской группы от не менее чем 110 сосудов (рис. 4), что составляет 2,25% от общего комплекса керамики (Федорук, Иванов, Степанова, 2023, с. 163).

Крупная серия саргаринско-алексеевской керамики происходит из раскопок поселения Жарково-3, находящегося в центральной Кулунде. В керамическом комплексе памятника выделены также серии андроновской, донгальской и ирменской посуды. Исследуемая серия (рис. 3.-8–22) насчитывает 60 фрагментов от не менее чем 52 сосудов (1,5% керамики памятника) (Папин и др., 2016, с. 105, 109–110, рис. 4).

Помимо указанных коллекций, саргаринско-алексеевская керамика в регионе в значительном количестве известна на поселениях Жарково-1, Новоильинка, Суслово-1, Гусиная Ляга-1 и др. (Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 115, 117, рис. 4.-2, 4, 5, 7, рис. 6; Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002, рис. 3.-1–4, 7–10, рис. 2.-5, 6, 8, 12, 15, 17, рис. 5.-1, 3–9, 11, 13; Иванов, 2004, рис. 1.-5, 6, рис. 2, рис. 3.-1–5, 7–10, рис. 4, рис. 5.-5; Ситников, 2015, с. 68, 69, рис. 8.-5, 7, 18, рис. 9.-4, рис. 6, 13–16, рис. 11.-6, рис. 12.-13, рис. 17.-1, 2, 5, 7, рис. 18, рис. 19.-1, рис. 21.-1–3, 5–10, рис. 22.-1, 4, 12, 13, рис. 23.-4, 8, 12, 14, 15, рис. 29–32, рис. 33.-8–11, рис. 34.-6–11, рис. 35.-1–9, 15, рис. 36.-7, 10–13, рис. 37.-1, 2, 4, 6; и др.). Однако целенаправленного комплексного исследования керамических коллекций этих памятников, включающего в т.ч. технико-технологический анализ, к настоящему моменту не выполнено. Поэтому в настоящей работе эти материалы не учитываются, необходимы дополнительные исследования.

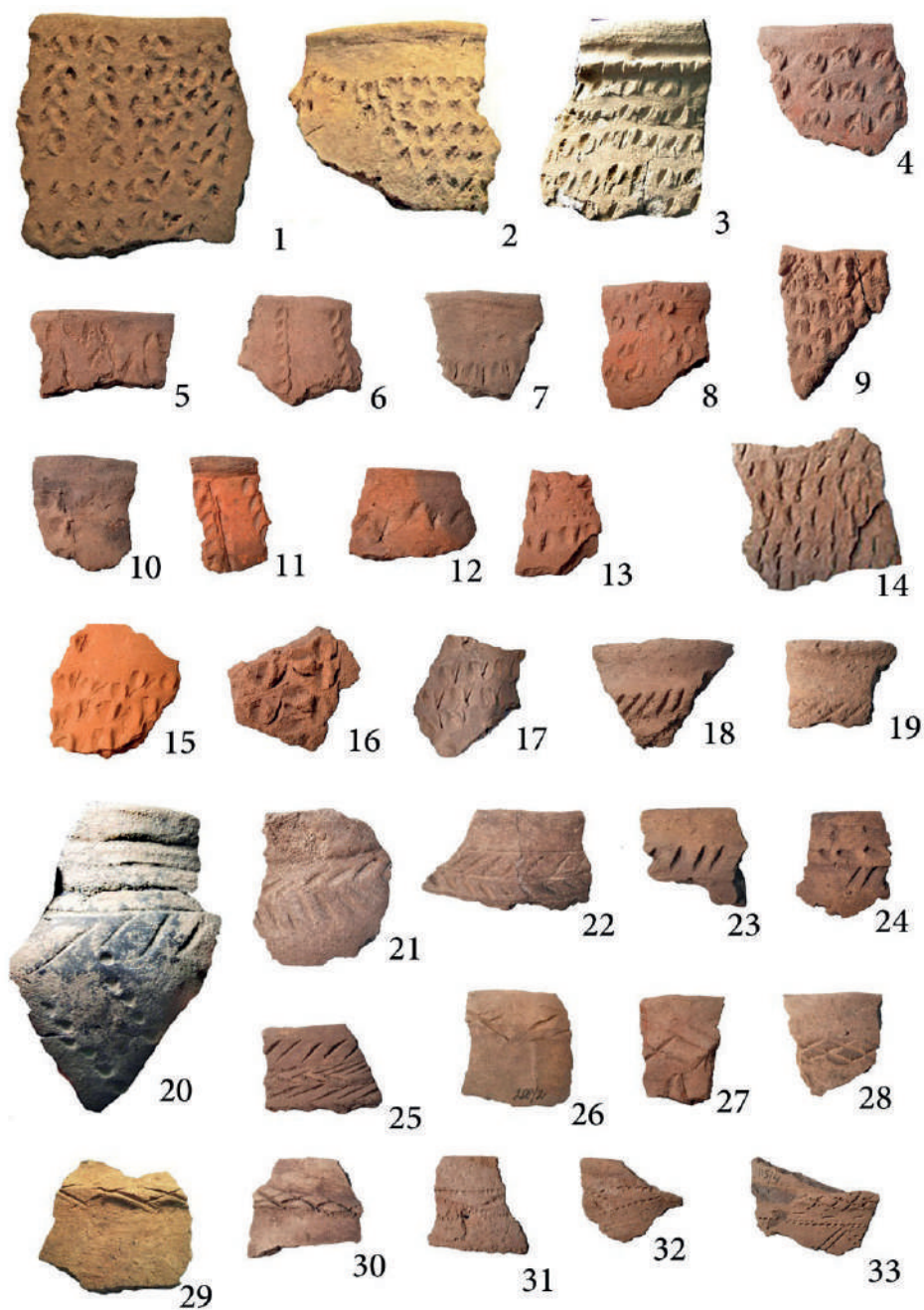

Рис. 2. Саргаринско-алексеевская керамика поселения Рублево-VI
(по: Папин и др., 2015, рис. 1–6)

Fig. 2. Sargarinsko- Alekseevskaya ceramics of the Rublevo-VI settlement
(after: Papin and etc., 2015, fig. 1–6)

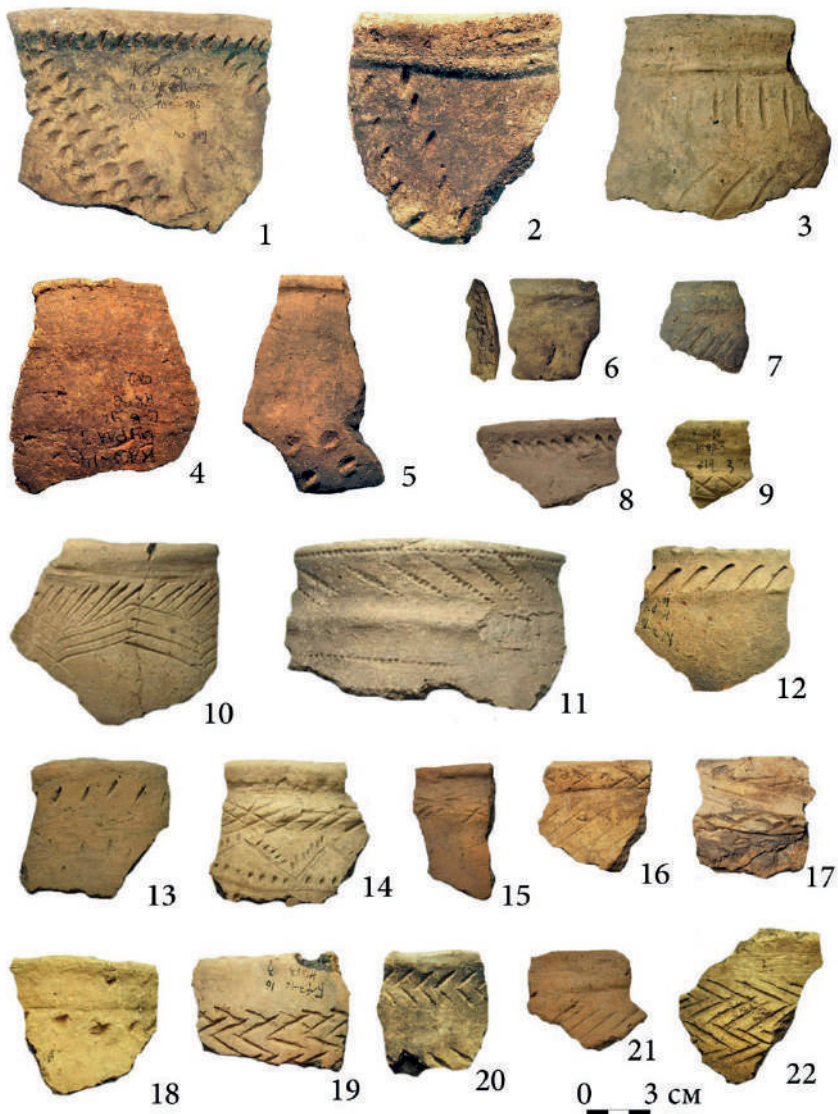

Рис. 3. Саргаринско-алексеевская керамика поселений Бурла-3 (1–7) и Жарково-3 (8–22)
(по: Папин и др., 2016, рис. 1–6; 2021, рис. 2)

Fig. 3. Sargarinsko-Alekseevskaya ceramics of the settlements Burla-3 (1–7) and Zharkovo-3 (8–22)
(after: Papin and etc., 2016, fig. 4; 2021, fig. 2)

Таким образом, в настоящее время при характеристике саргаринско-алексеевских комплексов Кулунды в первую очередь можно использовать данные поселений Калиновка-II, Рублево-VI, Жарково-3 и Бурла-3. Перечисленные памятники расположены в различных зонах исследуемой территории, что позволяет получить общую картину и проследить особенности внутри региона. Анализ форм и орнаментации исследуемой кера-

мики ранее был выполнен автором и опубликован совместно с Д.В. Папиным, В.Г. Ломаном, Н.Ф. Степановой и Г.Е. Ивановым (Папин и др., 2015, с. 117, 119–125, рис. 1–6; 2016, с. 105, 109–110, рис. 4; 2021, с. 178, 187, 188, рис. 2.-1–9; Федорук, Иванов, Степанова, 2023).

Рис. 4. Саргаринско-алексеевская керамика поселения Калиновка-II
(по: Федорук, Иванов, Степанова, 2023, рис. 2, 3)

Fig. 4. Sargarinsko-Alekseevskaya ceramics of the Kalinovka-II settlement
(after: Fedoruk, Ivanov, Stepanova, 2023, fig. 2, 3)

Результаты исследования

Обобщение полученных результатов (табл. 1), показывает, что большинство саргаринско-алексеевских сосудов (89,2%) — горшки, среди которых преобладают слабопрофилированные формы (41,3%). Немногочисленно представлены сосуды баночных форм (8,1%) и единично — кувшиновидных (2,8%).

Таблица 1

Саргаринско-алексеевская керамика поселений Кулунды (сравнительная характеристика форм и орнаментации)

Tab. 1

		Калиновка-II	Жарково-3 (по: Папин и др., 2016)	Рублево-VI (по: Папин и др., 2015)	Бурла-3	Совокупно
Кол-во фрагментов		142	60	313	173	688
Форма сосудов	Горшки слабопрофилированные	39,5%	38,9%	42,8%	42,1%	41,3%
	Горшки среднепрофилированные	24,7%	31,5%	30,6%	35,5%	30,4%
	Горшки сильнопрофилированные	19,8%	27,8%	13,9%	17,1%	17,5%
	Банки	13,6%	1,8%	8,9%	5,3%	8,1%
Зона орнаментации	Кувшиновидные формы	2,5%	–	3,9%	–	2,8%
	Венчик	2,0%	–	–	–	0,3%
	Шейка	50,5%	46,7%	26,0%	23,3%	31,2%
	Плечико	43,6%	43,3%	45,1%	33,9%	42,1%
	Тулово	4,0%	10,0%	28,1%	41,7%	26,0%
Техника орнаментации	Придонная часть	–	–	0,8%	1,1%	0,7%
	Налепы	40,8%	21,5%	12,7%	9,0%	20,5%
	Штампование	29,8%	28,9%	21,0%	15,1%	23,1%
	Пальцевые узоры	19,2%	6,6%	45,3%	51,3%	34,6%
	Насечка	7,4%	23,2%	7,5%	13,1%	10,7%
	Нарезка	1,6%	4,1%	6,4%	6,5%	5,3%
	Вдавливание	–	5,8%	1,6%	3,0%	2,0%
	Выдавливание	1,2%	9,9%	5,0%	1,0%	3,8%

		Калиновка-II	Жарково-3 (по: Папин и др., 2016)	Рублево-VI (по: Папин и др., 2015)	Бурла-3	Совершенно
Кол-во фрагментов		142	60	313	173	688
Мотивы орнамента	Валик совокунно	44,4%	23,5%	5,7%	9,4%	19,0%
	Горизонтальный ряд оттисков/защипов пальца/ногтя	22,4%	4,0%	21,3%	12,9%	25,2%
	Поясок из наклонных оттисков гладкого/ребенчатого штампа, насечек, резных линий	10,5%	29,3%	11,0%	20,6%	21,2%
	Валик без орнамента	26,4%	11,8%	2,8%	4,7%	10,0%
	Горизонтальная сеточка из оттисков гладкого/ребенчатого штампа, насечек, резных линий	6,0%	13,7%	12,2%	1,8%	8,6%
	Свисающие цепочки защипов/оттисков пальца/ногтя	0,5%	–	15,2%	5,9%	7,6%
	Хаотично расположенные защиты/оттиски пальца/ногтя	–	1,0%	11,1%	7,6%	6,2%
	Горизонтальный ряд жемчужника	1,5%	8,8%	5,4%	1,8%	5,6%
	Горизонтальная елочка из оттисков гладкого / ребенчатого штампа	5,5%	4,9%	0,9%	2,4%	4,9%
	Воротничок совокунно	5,5%	2,0%	5,4%	1,2%	4,1%
	Один мотив	77,1%	44,1%	38,2%	33,1%	47,4%
	Один мотив, повторенный дважды	2,3%	–	8,3%	10,2%	6,3%
	Один мотив, повторенный три и более раз	3,8%	–	32,4%	32,2%	21,9%
Два различных мотива	13,7%	34,4%	11,8%	21,2%	16,8%	
Три различных мотива	2,3%	11,7%	5,9%	2,5%	4,9%	
Четыре и более различных мотива	0,8%	8,6%	3,4%	0,8%	2,7%	
Сложность композиций орнамента						

Декор на горшки наносился в основном на плечико сосуда (42,1%), реже на шейку (31,2%). Тулова украшались только в 26% изученных случаев (совокупно горшки и банки). В отдельных случаях декор присутствовал на придонной части сосудов (совокупно пять случаев — 0,7%). Орнамент на срезе венчика встречен дважды. Декорированных днищ не зафиксировано.

Отмечено применение семи приемов орнаментации: пальцевая техника (доля приема составляет 34,6%), штампование (23,1%), налеп (20,5%), насечка (10,7%), прочерчивание (5,3%), выдавливание (3,8%) и вдавления (2,0%).

На посуде использовано 73 вида орнаментальных мотивов. Наиболее часто встречаются горизонтальные валики с дополнительным орнаментом или без (19%, в том числе без дополнительного декора 10%), разнообразно ориентированные ряды оттисков пальцев, ногтевых и пальцевых защипов (34,7%, в т.ч. свисающие цепочки оттисков ногтя или пальцевых защипов — 7,6%), пояски из наклонных насечек, оттисков гладкого и гребенчатого штампов, насечек, резных линий (21,2%). В меньшем количестве присутствуют горизонтальная сеточка из оттисков гладкого/гребенчатого штампа, насечек, резных линий (8,6%), хаотично расположенные по поверхности сосудов защипы/оттиски пальца/ногтя (6,2%), горизонтально расположенные ряды жемчужника (5,6%), елочка из оттисков гладкого/гребенчатого штампа (4,9%). Прочие мотивы используются не часто.

Обращает на себя внимание частое использование в орнаментации узоров, выполненных пальцами (совокупная доля таких мотивов составляет 32,5%), валиков и воротничков (совокупно 23,1%).

Композиции сосудов, насколько можно судить по развалам сосудов и крупным фрагментам, преимущественно состоят из одного мотива (47,4%) либо одного мотива, повторенного три и более раз (21,9% случаев). Несколько реже отмечается два различных мотива (16,8%). Композиции из одного мотива, повторенного дважды, составляют 6,3%, трех различных мотивов — 4,9%, четырех и более мотивов — 2,7%. Таким образом, орнамент сосудов имеет преимущественно простую схему.

Обобщение результатов выполненного В.Г. Ломаном и Н.Ф. Степановой (Папин и др., 2015, с. 119–125; 2016, с. 109–110; 2021, с. 187–188; Федорук, Иванов, Степанова, 2023, с. 166–169) технико-технологического анализа керамических коллекций исследуемых памятников (табл. 2) позволяет увидеть, что при изготовлении сосудов саргаринско-алексеевскими гончарами Кулунды чаще использовалось среднежелезненное (63,4%), реже слабожелезненное (28,8%) сырье. Предпочтение отдавалось пластичным глинам (в среднем 59,2%), реже среднепластичным (21,7%) и низкопластичным (включая сильнозапесоченную пылевидным песком, встреченную только на поселении Калиновка-II) (19,2%). В составе формовочных масс преобладают рецепты с неорганическими примесями, содержащими только шамот (совокупно 44,1%). При этом доля рецептов, содержащих и шамот, и дресву, достаточно представительна (37%). Доля сосудов только с дресвой относительно невелика (17,3%).

Таблица 2

**Саргаринско-алексеевская керамика поселений Кулунды
(сравнительная характеристика технологии)**

Tab. 2

**Sargarinsko- Alekseevskaya ceramics from the Kulunda settlements
(comparative characteristics of the technology)**

		Рублево-VI (по: Папин и др., 2015)	Калиновка-II (по: Федорук и др., 2023)	Жарково-3 (по: Папин и др., 2016)	Бурла-3 (по: Папин и др., 2021)	Совокупно
Кол-во фрагментов		80	29	25	9	143
Исходное сырье	Пластичное	72,8%	14%	50%	100%	59,2%
	Среднепластичное	26,7%	10%	50%	–	21,7%
	Низкопластичное	0,5%	7%	–	–	1,9%
	Сильнозапесоченное пыле- видным песком	–	69%	–	–	17,3%
	Сильноожелезненное	6%	–	4%	–	2,5%
	Среднеожелезненное	89,5%	72%	25%	67%	63,4%
	Слабоожелезненное	1,3%	21%	71%	22%	28,8%
	Неожелезненное	3,2%	–	–	–	0,8%
	Неожелезненное + ожелезненное	–	7%	–	–	1,8%
	Слабо- + среднеожелезненное	–	–	–	11%	2,8%
Формовочные массы	Только шамот	27,7%	79,5%	58%	11%	44,1%
	Только дресва	5%	–	8%	56%	17,3
	Шамот и дресва	61,3%	20,5%	33%	33%	37%
	Глина + шамот + органика	25,2%	55%	58%	–	34,6%
	Глина + шамот + органика + охра	–	3,5%	–	–	0,9%
	Глина + дресва + органика	5%	–	8%	56%	17,3%
	Глина + дресва + шамот + органика	61,3%	17%	29%	33%	35,1%
	Глина + дресва + шамот + ор- ганика + охра	–	3,5%	–	–	0,9%
	Глина + шамот + навоз	–	10,5%	–	–	2,6%
	Глина + шамот + органика + кость	2,5%	3,5%	–	–	1,5%
	Глина + шамот + дресва + раковина	–	–	4%	–	1%
	Глина + глина + шамот + органика	–	7%	–	11%	4,5%

Обсуждение результатов

При сравнении форм и орнаментации коллекций отдельных памятников выявляются как общие, так и индивидуальные черты комплексов поселений. К общим моментам можно отнести одинаковые формы сосудов, их близкие процентные соотношения, на-

личие общих мотивов, а зачастую и схожую степень их использования, простые орнаментальные композиции (декор состоит преимущественно только из одного, реже одного повторенного три и более раз или двух различных мотивов). По таким показателям, как зона размещения орнамента и используемые приемы орнаментации, очевидна большая разнородность. Так, на поселениях Калиновка-II и Жарково-3 основная доля декора сосудов находится на шейке, реже на плечиках, а доля орнаментации тулова незначительна. На поселении Рублево-VI орнамент в основном располагается на плечике, реже на тулове и шейке. Бурла-3 показывает иное соотношение — здесь наибольший процент декора находится на тулове, реже на плечиках и шейке. Говоря о технике нанесения декора, необходимо отметить, что используется одинаковый набор приемов, а также на всех памятниках значительный процент узоров выполнен штампованием. При этом доля отдельных приемов между памятниками различна: в коллекциях Калиновки-II и Жарково-3 достаточно велика доля налепов, на Бурле-3 и Рублево-VI их заметно меньше. С пальцевыми узорами ситуация иная: высокий процент в коллекциях Рублево-VI и Бурлы-3 и, наоборот, относительно низкий — на Жарково-3 и Калиновке-II. При этом, например, доля насечек более велика на Жарково-3 и Бурле-3.

Обобщение результатов технико-технологического анализа исследованной керамики также позволяет отметить как общие моменты, так и различия. К первым относятся частое использование среднежелезненного сырья (от 25% на Жарково-3 до 89,5% на Рублево-VI) и присутствие представительной серии сосудов, изготовленных по рецепту «глина + дресва + шамот + органика» (от 17% на Калиновке-II до 61,3% на Рублево-VI). Часто, за исключением Рублево-VI, использована слабожелезненная глина (от 21% на Калиновке-II до 71% на Жарково-3). В выборе сырья отмечаются различия: на Жарково-3, Бурле-3 и Рублево-VI предпочитали пластичные глины (от 50% на Жарково-3 до 100% на Бурле-3) и среднепластичные (26,7% на Рублево-VI и 50% на Жарково-3), на Калиновке-II доля низкопластичного сырья 76%, пластичного — 14%, среднепластичного — 10%. Причем эта тенденция отмечена и для керамики донгальского периода этих памятников (Папин и др., 2015, с. 120, 123, 128; 2016, с. 108–109; 2021, с. 187, 188, табл.; Федорук, Иванов, Степанова, 2022, с. 781, табл.; 2023, с. 166, 167, табл. 2; Федорук, 2023, с. 41, табл. 2), что, вероятно, обусловлено особенностями местных глин. Различается соотношение рецептов формовочных масс: преобладание рецепта только с дресвой на Бурле-3 (56%), в то время как на Рублево-VI и Жарково-3 его доля не превышает 8%, а на Калиновке-II таковых вообще не выявлено. Керамика с шамотом и дресвой преобладает (61,3%) на Жарково-3, в то время как на других памятниках ее доля составляет от 20,5% (на Калиновке-II) до 33% (на Рублево-VI и Бурла-3). Сосуды с добавлением только шамота существенно преобладают на Калиновке-II (79,5%) и Жарково-3 (58%) — памятниках, расположенных восточнее поселений Рублево-VI и Бурла-3, где доля рецепта только с шамотом значительно ниже (27,7% на Рублево-VI и 11% на Бурле-3).

Сопоставление анализируемых коллекций с саргаринско-алексеевской керамикой поселений лесостепного Алтая (Гилево-2, Курья, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1) (Ситников, 2015, с. 67, 69, рис. 3.-1–6, 10, 12, 13, рис. 4.-1, рис. 5.-1, 4, 6, 10, 12, 13, 15, рис. 44.-1, 2, 5, рис. 45.-2, рис. 47.-4, 8, 11, рис. 48.-1, 4, рис. 49.-3–5, рис. 51.-1, рис. 52.-3, 6–9, рис. 53.-2, 4, рис. 54.-3, 10, 11, рис. 55.-4–7, 10; рис. 56.-1, 3–5, 9, 11, 15, рис. 71.-1, 3, 5, 7,

9, рис. 72.-3, 6, 7, 9, рис. 73.-3, 4, 6, рис. 74.-1, 7, рис. 75.-7, рис. 78.-1, 3, 5, 7, рис. 79.-5, 10, рис. 82.-3, 4, 7) показывает явное сходство материалов как по форме, так и по орнаментации сосудов. При этом более детальное сравнение данных С.М. Ситникова с нашими результатами затруднительно в силу разницы использованных подходов к подсчетам. Техничко-технологического же изучения саргаринско-алексеевских коллекций поселений лесостепного Алтая, помимо коллекций с анализируемых нами памятников, не производилось.

Сравнивая кулундинские комплексы с материалами Казахстана, необходимо отметить значительную степень сходства, проявляющуюся в формах сосудов и их орнаментации: расположение орнамента главным образом по плечикам сосудов, общие элементы декора, в частности валики, сеточки, пояски, зигзаги, пальцевые узоры и др., несложные орнаментальные композиции (Евдокимов, 1982, с. 13, рис. 7.-1-4, 8.; Евдокимов, Ломан, 1982, с. 35, рис. 6.-1, 2, 4-9, 7.-9-11; Зданович, 1984, с. 87-95, рис. 3-4, табл. 4; Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 4.-1-7, 10-15, рис. 5.-1-4, 11, рис. 6.-1, 8-13, рис. 9, рис. 10.-4-7, 10-15, рис. 26.-3-12, рис. 38.-1-8, рис. 40.-3-10, рис. 42, рис. 43.-1-4, 12, 13, рис. 57.-7, рис. 58, рис. 59.-1-3, рис. 60.-7, рис. 63, рис. 65.-5; Ломан, 2019, рис. 1, 2.-1, 3, 4; Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 58, рис. 29-43). Сопоставление результатов технико-технологического анализа посуды демонстрирует определенные различия. На поселении Кент посуда саргаринско-алексеевского типа изготовлена из исходного сырья разной степени ожелезненности, повсеместно использован навоз как органическая добавка, преобладает рецепт с добавлением дресвы (венчики: совокупно рецептов с дресвой — 79,5%, с шамотом — 32,3%; придонные части: с дресвой — 83,4%, с шамотом — 27,4%). При этом здесь также зафиксированы случаи одновременного использования и дресвы, и шамота (венчики — 13%, придонные части — 11,2%) (Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 59-61). В керамике алексеевского слоя поселения Усть-Кенетай преобладают рецепты с дресвой (69%) (Евдокимов, 1982, с. 14, табл. 1). На поселениях Бугулы-1, Бакыбулак, Каратал-1, Каратал-2, часть опубликованной керамики которых имеет значительное внешнее сходство с саргаринско-алексеевской посудой Алтая (Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 4.-1-4, 7, рис. 5.-1, 11, рис. 6.-1, 2, 5, 8-10, рис. 9, рис. 10.-4-6, 10-15, рис. 26.-3-7, 10, 13, рис. 38.-1-7, 40-43, рис. 58, рис. 59.-1-3, рис. 60.-7, рис. 66.-10), традиция использования дресвы также преобладает (Бакыбулак — 6,7%, Бугулы-1 — 76,6%, Каратал-2 — 78,8%, Каратал-1 — 85,9%). Однако опубликованные данные имеют обобщенный характер и включают результаты анализа всей керамики периода поздней бронзы, а иногда и раннего железного века. При этом на поселениях Бугулы-1, Каратал-1, Каратал-2 также отмечены случаи одновременного использования и дресвы, и шамота (Бугулы-1 — 21%, Каратал-1 — 11,5%, Каратал-2 — 29,8%). В качестве исходного сырья здесь использованы только средне- и сильноожезленные глины, а в качестве органической добавки — навоз (Бейсенов, Ломан, 2009, с. 9-11, 37, 63, 64, 88-90, табл. 1, 7, 11, 15). В целом для саргаринско-алексеевского гончарства Центрального Казахстана, по мнению В.Г. Ломана, «характерен „чистый“ рецепт формовочной массы с дресвой в качестве единственной минеральной добавки» (Ломан, 2015, с. 72; 2019, с. 121), хотя известны исключения. Так, на поселениях Копа-1 и Упаис, где также использованы ожелезненные и слабоожезненные глины и навоз в качестве органи-

ческой добавки, преобладает традиция использования шамота (Копя-1: шамот совокупно 58,3%, дресва 33,3%, в т.ч. смешанных рецептов 20,8%; Упайс: шамот 73,7%, дресва 63,1%, в т.ч. смешанных рецептов 36,8%), однако следует отметить наличие в рецептах этих поселений достаточно большой доли песка (Копя-1 совокупно 45,9%, Упайс — 15,8%), использованного как неорганическая добавка (Ломан, 1991, с. 48, 50, рис. 1), что не характерно для памятников Центрального Казахстана и Кулунды. В керамике могильника Каратугай преобладает смешанный рецепт, сочетающий дресву и шамот (Ломан, 2019, с. 120, 121). Подобная картина отмечена и на несколько более хронологически позднем поселении Донгал, где также преобладают смешанные рецепты (55,2%), а рецептов с дресвой в совокупности несколько больше (79,4%), чем рецептов с шамотом (75,8%) (Ломан, 1991, с. 51, рис. 1).

Заключение

Результаты исследования показывают, что по основным, традиционно анализируемым исследователями внешним признакам (форма сосудов, их орнаментация) саргаринско-алексеевская керамика Кулунды однотипна и схожа с материалами сопредельного Казахстана. Однако результаты технико-технологического изучения позволяют увидеть иную картину, демонстрирующую различия как между регионами, так и внутри Кулунды, особенности взаимодействия населения регионов и миграции. При создании формовочных масс гончары алтайской Кулунды традиционно предпочитали использовать шамот в качестве неорганической добавки. Эта традиция четко прослеживается и по предшествующим андроновским, и по последующим донгальским материалам. Дресва — свидетельство импорта из районов с выходами камня, в нашем случае — Казахстана. Поэтому чем восточнее, глубже в ареал «шамота» расположен памятник, тем менее выражены эти следы проникновения. На адаптацию пришлого населения к местным материалам и условиям требуется время, что проявилось в появлении посуды смешанных рецептов. Результаты изучения саргаринско-алексеевской керамики Кулунды хорошо подтверждают эту модель.

Серии поселений Калиновка-II и Жарково-3, расположенных на наиболее значительном удалении от Казахстана, показывают преобладание местной для Алтая традиции (глина + шамот + органика). Преобладание смешанных рецептов зафиксировано на Рублево-VI, памятнике, расположенном на границе с Казахстаном. Его материалы, как и керамика Каратугая, отражают процесс активного взаимодействия населения двух регионов, миграции из Казахстана на Алтай (Папин и др., 2015, с. 141; 2016, с. 122; 2021, 188; Федорук, Иванов, Степанова, 2022, с. 782; 2023, с. 174).

Среди анализируемых алтайских памятников ярко выделяется саргаринско-алексеевская коллекция поселения Бурла-3. Только здесь в составе формовочных масс дресва преобладает над шамотом, что более характерно для комплексов Казахстана и может указывать на привозной характер части исследованной керамики. Полученные данные лишней раз указывают на то, что поселение оставлено группой мигрантов, пришедших в северную Кулунду из другого региона, очевидно, через территорию нынешнего Казахстана. Отмеченный на памятнике большой процент смешанных рецептов в саргаринско-алексеевской серии указывает на местное производство, при этом процесс приспособления гончаров к местным условиям еще шел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
- Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент — город бронзового века в центре казахских степей. Астана : Изд. гр. КазНИИ культуры, 2017. 338 с.
- Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. С. 3–20.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы-1 // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. С. 20–41.
- Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкирского ун-та, 1984. С. 79–96.
- Иванов Г.Е. Керамический комплекс поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 49–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 104–128.
- Ломан В.Г. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 47–53.
- Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 71–80.
- Ломан В.Г. Керамика саргаринско-алексеевского могильника Каратугай // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 27, №3. С. 113–123. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)3\(27\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)3(27).-08)
- Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 115–143.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 102–125.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. №2. С. 175–192.
- Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 21 с.
- Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
- Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
- Федорук А.С. Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая // Археология Казахстана. 2023. №3 (21). С. 32–47.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии РАН, 2022. С. 778–786.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Саргаринско-алексеевская керамика поздней бронзы поселения Калиновка-II (лесостепной Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №1. С. 160–181.

Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 106–113.

REFERENCES

Bejsenov A.Z., Loman V.G. Ancient Settlements of Central Kazakhstan. Almaty : In-zhu-Marzhan, 2009. 264 p. (*In Russ.*)

Varfolomeev V.V., Loman V.G., Evdokimov V.V. Kent is a Bronze Age city in the Center of the Kazakh Steppes. Astana : Izd. gr. KazNII kul'tury, 2017. 338 p. (*In Russ.*)

Evdokimov V.V. Settlement of the Bronze Age Ust-Kenetai. In: Questions of Archaeology, Ethnography of Central Kazakhstan. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1982. Pp. 3–20. (*In Russ.*)

Evdokimov V.V., Loman V.G. Settlement Kopa-1. In: Questions of Archaeology, Ethnography of Central Kazakhstan. Karaganda : Izd-vo KarGU, 1982. Pp. 20–41. (*In Russ.*)

Zdanovich S.Ya. Ceramics of the Sargarin Culture. In: Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluvium. Chelyabinsk : Izd-vo Bashkirskogo un-ta, 1984. Pp. 79–96. (*In Russ.*)

Ivanov G.E. Ceramic complex of the settlement of Suslovo-1. In: Arid zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 49–56. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E., Udodov V.S. New Materials of the Late Bronze Age of the Forest-Steppe Altai. In: Problems of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 104–128. (*In Russ.*)

Loman V.G. Features of Pottery Technology of the Late Bronze Age of Central Kazakhstan. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 1991;203:47–53. (*In Russ.*)

Loman V.G. Imported ceramics in the Kent settlement. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara Scientific Bulletin*. 2015;4(13):71–80. (*In Russ.*)

Loman V.G. Ceramics of the Sargarinsko-Alekseevsky Burial Ground Karatugai. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019;3(27):113–123. (*In Russ.*)

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Results of Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of the Late Bronze Age Settlement Rublevo VI. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archeological Research*. 2015;2(12):115–143. (*In Russ.*)

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Ceramic Complex of the Late Bronze Age Settlement Zharkovo-3. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;3(15):102–125. (*In Russ.*)

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Stuffed Ceramics of the Late Bronze Epoch of the Burla-3 Settlement. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2021;2(33):175–192. (In Russ.)

Sitnikov S.M. Sargarin-Alekseevskaya culture of forest-steppe and steppe Altai: abstract. dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 2002. 21 p. (In Russ.)

Sitnikov S.M. Culture of the Sargarin-Alekseevsky Population of the Forest-Steppe and Steppe Altai. Barnaul : AltGPU, 2015. 254 p. (In Russ.)

Udodov V.S. The Age of Developed and Late Bronze Ages of Kulunda: abstract. dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 1994. 21 p. (In Russ.)

Fedoruk A.S. Ethnocultural interaction of the ancient population of the steppe Ob-Irtysh region in the Late Bronze Age: abstract. dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 2006. 23 p. (In Russ.)

Fedoruk A.S. Ceramics of the “Dongal type” in materials from the monuments of the steppe and forest-steppe Altai. *Arheologiya Kazahstana = Archeology of Kazakhstan*. 2023;3(21):32–47. (In Russ.)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Dongal Type of Ceramic from the Kalinovka-II Settlement (Forest-steppe Altai). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. Pp. 778–786. (In Russ.)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Late Bronze Age Sargarinsko-Alekseevskaya ceramics of the Kalinovka-II settlement (forest-steppe Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2023;35(1):160–181. (In Russ.)

Shamshin A.B., Izotkin S.L., Sitnikov S.M. Settlement Zharkovo-1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2002;4:106–113. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаул, Россия.

Alexander S. Fedoruk, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory for interdisciplinary study of the Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia; Researcher, Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2024;
одобрена после рецензирования 04.06.2024;
принята к публикации 14.06.2024.
The article was submitted 22.05.2024;
approved after reviewing 04.06.2024;
accepted for publication 14.06.2024.*